

Колочкова О. В.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ СТАТУС СЛОВА В АКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ "АДЪЕКТИВАЦИИ" ПРИЧАСТИЙ)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/38.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 88-91. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

тверждением тому служат его аргументы: „...yeke youman-du sayin küü baya yooman-du yoomani kire:t küü şaxalca:n bayidaq bida. Необходимо учитывать насколько велика или мала вина человека, и согласно этому судить, так принято у нас“. Далее присутствуют события разные по характеру и стилю. Каждый пункт характеризуется реальностью действий, происходивших в тот или иной период. Посланиям Дондука Даши характерна такая сконцентрированность сообщений. Поэтому во многих его письмах они обозначены цифрами, т.е. в одном послании-письме сосредоточено несколько таких писем-посланий. Иногда содержание пунктов не бывает продолжением, а представляет самостоятельное сообщение с другими сведениями.

Три разных письма-послания, трем разным адресатам и в каждом из них представлена жизнь человека. Прежде всего, бросается в глаза стремление автора вмешаться в эти «разбирательства», поэтому он так острожно высказывает свою мысль и чувства Его речь беспристрастна, иногда в повышенном тоне. В его авторской речи высказаны события, которые связаны с его подданными, и выражено его отношения к ним.

Анализируемые вышеприведенные авторские письма-послания, созданные на ойратской письменности, характеризуются коммуникативной направленностью и имеют определенную структуру, части которой объединены в одно целое повествование. Текст документов содержит определенный лексический минимум, оформленный грамматическими категориями и синтаксическими связями. Совокупность их дает характеристику состоянию калмыцкого языка, и специфику разговорной речи калмыков XVIII столетия. Совокупность системы склонения, представленная в посланиях, является показателем значения падежей и их функций.

В начале послания-письма стоит знак «бирга», который определяет начало повествования. Этот знак «бирга» является необходимым атрибутом любого текстового документа. Затем идет традиционное обращение к адресату с указанием звания, титула, должности, его имя, отчество и фамилия: polkomniq Basili Beqlemistu - полковнику Василию Беклемешеву; yeke impra:toriyn itegeltei üyileci tayini sobedniq. ayidarxani guberni gubernator. Basilei Mikid üci tatişibtu itegeltei хаурладаq axada:n bariba. Его Превосходительству, тайному советнику, управляющему делами Её Императорского Величества, губернатору Астраханской губернии В. М. Татищеву, с великой любовью и преданностью, старшему брату (досл.) вручается. Yeke impra:toriyn desbi telnoi kamerger sena: diyin ober purkura: r kabi-la: r ayidarxani guberni gubernator iba: n anuuri:üci birilkin-du bicibe. Его императорского величества тайному советнику, камергеру действительному кавалеру Сената, губернатору астраханской губернии Ивану Ануфриевичу Брылкину направлено (досл.) Тем самым автор выражает свое почтительное отношение к ним, подтверждая следующими выражениями: «itegeltei хаурладаq axada:n ... - моему милостивому старшему брату ...». Такова давно установившаяся этикетная формула начала повествования, перешедшая от монгольской письменной традиции.

В авторских посланиях Дондук-Даши довольно свободно, в минимальной зависимости от орфографии и норм языка отображены повседневный труд и быт автора и его окружения, внутренний мир, настроение, характер. Переписка дает нам сведения из истории быта калмыков, их сложные жизненные коллизии, удаchi и разочарования и т. п. Такие изъяснения были свойственны его манере письма. Вероятно, это диктовалось многими причинами: состоянием его души, обстоятельствами, побудившими сообщить адресату, и тем самым выразить свое отношение к тем или иным событиям и требовать от адресата адекватного ответа.

Авторские послания-письма Дондук-Даши можно рассматривать как документальный текст. Многие события буквально преподносятся в размеренной последовательности и в повествовательной форме. Можно, на наш взгляд, сказать, что Дондук Даши является «автором» документальной истории калмыцкого народа.

Список использованной литературы

1. Батмаев М. М. Калмыки в ХУП-ХУШ веках. - Элиста, 1993. - С. 335-336.
2. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. - Л., 1929.
3. Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. - М.-Л., 1940.
4. Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд № 36 «Состоящий при калмыцких делах» (1714-1771 гг.): опись 1, ед. хр. 22; 36-1-152-5; 36-1-250-72; 36-1-230-244.
5. Опыт лингвосоциологического исследования. - Элиста, 2003.
6. Сусеева Д. А. Письма хана Аюкии его современников (1714-1724 гг.).
7. Убушаев Н. Н. Деловые бумаги на старокалмыцкой письменности как источник изучения истории калмыцкого языка // 320 лет старокалмыцкой письменности. - Элиста, 1970.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ СТАТУС СЛОВА В АКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «АДЪЕКТИВАЦИЙ» ПРИЧАСТИЙ)

Колочкова О. В.

Казанский государственный университет

Семантическое словообразование, или безморфемная деривация, - феномен, до сих пор вызывающий противоречивые толкования в отечественной лингвистике, что можно объяснить двумя причинами: 1) сложностью самого явления; 2) его недостаточной теоретической разработкой. При этом не вызывает сомнений тот факт, что образование имён прилагательных от причастий семантическим путём (так называемая «адъективация») - продуктивный способ обогащения лексического состава современного русского языка словами со значением качественности. Однако, прежде чем осуществится единичный акт отпочкования новой

единицы (омонима по отношению к своему производящему), слово, не переставая функционировать в тексте, переживает период, когда интенсивно накапливаются различные смысловые оттенки.

Отсюда следует, что постепенно оно утрачивает признаки одной части речи и, одновременно приобретая признаки другой (семантические, грамматические, синтаксические), **становится трудно опознаваемым** с точки зрения своего частеречного статуса. Большинство языковедов, исследуя подобные случаи, «прикрепляет» синкретичные образования то к одной части речи, то к другой, однако, на наш взгляд, гибридные единицы не стоит квалифицировать по принципу «или-или», а надо отмечать как «и то и другое».

В противном случае, при описании фактов контаминационного характера в лингвистической литературе нередко даются совершенно противоположные трактовки одного и того же явления: некоторые учёные относят его к *А*, другие - к *Б*, учитывая при этом только какие-либо одни свойства «промежуточных» образований, характерные для избранного члена оппозиции. Изучение гибридных дериватов даёт более гибкую, соответствующую системе языка и речи классификацию структурно-семантических классов, выявляет переходные звенья, объединяющие части речи в динамическую систему взаимодействующих единиц.

В этом отношении наиболее чётко аргументированной, недвусмысленной и логичной представляется нам точка зрения профессора В. М. Маркова, отстаивающего корреляцию в языке морфемного и безморфемного способов словообразования: «Семантическое словообразование, как известно, осуществляется путём включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы» [Марков 1981: 9]. Несомненно, в тот момент, как только произошло переосмысление, перед нами - отдельное слово, несмотря на то, что связи со словом-производителем могут быть очень тесными: «...пока любое вновь образованное слово не отстоялось в своей изолированности, пока оно не испытало того, что принято называть деэтимологизацией, оно находится в очевидной семантической связи со словом-основой, будучи при этом отдельным, самостоятельным словом» [Марков 1981: 9].

Каков же механизм отпочкования производного слова? Количественное накопление ассоциаций - качественный «скачок». Но, прежде чем это произойдёт, слово, образованное семантически, должно пережить, по словам профессора В. М. Маркова, «стадию окказиональности», после которой последует постановка его в иной лексический разряд. В языке «стадия окказиональности» обнаруживается не только на уровне лексического значения, но и на грамматическом уровне, рождая возможность для появления так называемых промежуточных, контаминированных образований с точки зрения их грамматического статуса. В данной статье и исследуются такие «двусмысленные» ситуации на примере образования от причастий имён прилагательных.

Представим прямую, соединяющую две конечные стадии этого процесса: слева - «чистое причастие», справа - «чистое прилагательное», образованное от него. Таким образом, рассмотрим сам процесс «количественного накопления ассоциаций» на конкретных примерах (которые мы для наглядности будем располагать на нашей воображаемой прямой).

Обратимся к цитате из «Русской грамматики»: «В тех случаях, когда причастие представляет действие как признак, свойство, в его отвлечении от временной приуроченности, создаются условия для **развития у причастий адъективных значений**, то есть значений, характерных для отглагольных прилагательных. <...> Развитие у причастий адъективных значений **не выводит их за пределы глагольных форм, не переводит их в класс прилагательных**, поскольку эти адъективные значения сохраняют соотносительность с временными, видовыми, залоговыми значениями соответствующих причастий. В рамках причастий с адъективными значениями могут развиваться новые (качественные) лексические значения» (купюры цитаты наши; выделено нами - О. К.) [Русская грамматика 1980: [http://rusgram.narod.ru/\\$1579.html](http://rusgram.narod.ru/$1579.html)].

Заметим, что сам процесс «развития значения» подмечен верно, но авторы «Грамматики-80» ни в коем случае не допускают образования от причастной формы семантического деривата, предлагая считать причастием даже такие слова, которые с категориальным значением данной части речи уже не имеют явных связей. А если ещё учесть, что, по мнению авторов данной «Грамматики», причастие есть форма глагола, то получается, что перед нами - часть глагольной парадигмы. Как легко заметить, если статус слова с «качественным» лексическим значением определять как статус имени прилагательного, образованного от причастия, то данное противоречие исчезает само собой. А утрата формой непосредственной глагольной мотивации и, следовательно, семантических связей с исходным производящим глаголом мыслится в этом случае как словообразовательное средство. Что касается «причастий с адъективным значением», то здесь речь идёт о тех образованиях, которые на нашей воображаемой прямой занимают срединную позицию. Приведём примеры некоторых из них: *вьющиеся волосы, отравляющие вещества, волнующее зрелище*.

На элементарном уровне (в школе, например) предлагают различать причастие и прилагательное таким образом: если можно заменить придаточным предложением или же оборотом в постпозиции относительно определяемого слова, то перед нами - причастие; если синонимичным прилагательным, то это - прилагательное. Но к какой части речи следует относить форму, которую одновременно можно заменить и тем и другим? *Вьющиеся волосы*: с одной стороны - *волосы, которые вьются* (придаточное присубстантивно-определятельное), с другой - *волнистые* (синонимичное прилагательное).

С семантической стороны возможность такой двоякой замены означает, что перед нами форма, значение времени и залоговая корреляция в которой стёрлись ровно настолько, насколько усилилось значение качества, поэтому, как бы мы её ни расценивали, любое толкование будет совершенно правильным. Однако, на наш взгляд, было бы логичнее относить подобные образования к **причастиям** (образованным от омонимич-

ных им же причастий, которые также функционируют в современном языке): вместо этих форм в предложении может выступать глагол, что недопустимо, если речь идёт о прилагательном.

Какие же условия необходимы для возникновения возможности образования прилагательного от причастия?

1. Утрата причастной формой или, по крайней мере, ослабление у неё признаков, несвойственных прилагательному, а именно: категорий времени и залога, влияния категорий вида и переходности/непереходности производящего глагола.

2. В результате этого, естественно, происходит смена (по крайней мере, некоторая модификация) лексического значения производящего причастия. На первый план постепенно выходит значение статичного, постоянного качества.

3. Отсутствие пояснительных слов, усиливающих глагольную природу причастия, то есть производящее причастие должно быть одиночным, а не находиться в составе оборота.

4. С этим положением связано последнее условие: причастный оборот, как правило, стоит после определяемого слова, но, чтобы появилась возможность образования прилагательного, причастие должно предварять определяемое слово, - ведь «исконное» имя прилагательное, выполняющее в предложении роль определения, в обычной (не поэтической) речи, как правило, стоит в препозиции.

Естественно, что семантический дериват может образоваться и без соблюдения всех четырёх условий, но выполнение первых двух обязательно. Посмотрим, что происходит, когда третье и четвёртое условия не соблюдаются. Обратимся к такому контексту: *нетронуты в прозе и в стихах*, взятому из произведения Дж. Мильтона «Потерянный рай» [Мильтон 2003: <http://kulichki.com/moshkow/POEZIQ/MILTON/milton.txt>]. Составим словообразовательную цепочку: глагол *тронуть* со значением *прикоснуться, задеть* → (морфологически: суффикс *-т-*) причастие *тронутый (тот, кого тронули)* → (семантически) прилагательное *нетронутый (целый, новый, неизвестный)*.

Как видим, «причастность» поддерживается здесь зависимыми словами (что в какой-то мере лишает признак его абсолютности) и тем, что в контексте выступает краткая форма, хотя данную единицу нельзя заменить совершенно тождественным придаточным предложением (*то, что не тронули*). Можно подобрать лишь описательную придаточную конструкцию: *то, о чём ещё не упомянули ни в прозе ни в стихах*, то есть в данном контексте образование *нетронуты* оказывается синонимичным образованию *не затронуты* (или *не упомянуты*). Подчеркнём: оказывается **синонимичным причастным формам**. В то же время слово написано слитно с *не* и вполне может быть заменено синонимичным именем прилагательным: например, *неизвестны в прозе и в стихах*.

Отсюда и возникает затруднение при отнесении данной единицы к той или иной части речи; оказывается совершенно непонятным, чего в приведённом примере больше: «глагольности» или «качественности», грань между ними стирается. Но если всё же попытаться определить место данной единицы на прямой, то она, по нашему мнению, будет находиться где-то между серединой и «чистым» именем прилагательным, поскольку грамматические значения категорий времени и залога, свойственные собственно причастной форме, здесь уже почти совсем утратились.

Примеры № 2 и № 3 более сложны: это образования с суффиксом *-енн-*: *всё ненарушенным остался б ваш покой* [Мольер 2003: <http://kulichki.com/moshkow/MOLIER/doktor.txt>] и *оказались неподготовленными к ней* [Диккенс 1987: 164]. Как считают авторы «Русской грамматики», подобные формы вообще «не поддаются чёткой дифференциации» [Русская грамматика 1980: <http://rusgram.narod.ru/§1579.html>], то есть весьма трудно определить, что же перед нами - страдательное причастие или отглагольное имя прилагательное.

С формальной точки зрения наличие зависимых слов при подобных образованиях лишь усиливает совершенную неразбериху с определением частеречной принадлежности, а при неверной трактовке страдает, прежде всего, орфография. Но при более детальном грамматическом анализе данных форм мы в конце концов приходим к выводу, что единицы из контекстов № 2 и № 3 обозначают **качество** определяемого ими понятия, а не процессуальный признак. Заметим, они входят в состав именного сказуемого и сочетаются с глаголами-связками (*остаться, оказаться* и т.п.), которые и указывают на то или иное время (прошедшее, настоящее или будущее), так что сами интересующие нас образования несут лишь лексическую нагрузку, определяя предмет с точки зрения тех свойств, которыми он обладает.

Но всё же «чистого» прилагательного *ненарушенный* не существует, поскольку значение действия (*то, что не нарушили*) так или иначе даёт о себе знать. Контекст № 3 также очень интересен, но (по сравнению с предыдущим примером) ситуация здесь осложняется ещё и тем, что уже наличествует конечный семантический дериват. Глагол *оказаться* явно требует после себя какую-то единицу, выражающую качество, статичное, абсолютное. Таковой единицей в данном контексте и является *неподготовленные*.

А теперь обратим внимание на так называемые **метафорические** промежуточные образования: *разбитая мечта* [Диккенс 1990: 181], *отравленные метафоры* [Ионеско 2003: http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt], *развращённая идеология* [Ионеско 2003: http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt], *ущемлённое сердце* [Гофман 1983: 205]. Очевидно, именно эта метафоричность и затрудняет отнесение их либо к причастиям, либо к прилагательным, поскольку само лексическое значение каждой единицы оказывается «затемнённым», мы осознаём его лишь на основе целого ряда ассоциаций, образов (набор которых совершенно индивидуален для каждого человека), возникающих в нашем сознании, но не руководствуемся логикой чёткого словарного определения.

Выделим те обобщённые значения, которыми обладают причастия-омонимы с одной стороны и прилагательные, от них образованные, с другой. Причастие указывает на действие, которому некогда подвергся тот или иной предмет, например: *разбитый флакон - это флакон, который разбили, отравленный человек - человек, которого отравили, развёртываемая девушка - девушка, которую развернули, ущемлённый палец - палец, который ущемили*. А прилагательное указывает на то, каким качеством обладает предмет: *разбитый человек - грустный, отравленное существование - невыносимое* и т.п. Причём нетрудно заметить, что прилагательные тоже заключают в себе некие метафорические значения, но, в отличие от значений контаминированных единиц, их вполне можно заменить синонимами, что само по себе говорит уже о некоей кристаллизации семантики прилагательных. Более того, эти сочетания прилагательных с определяемыми словами являются своего рода фразеологическими единицами.

Особняком стоят такие образования, как *скрещённые руки*. Почему же мы их вообще считаем промежуточными единицами? Потому, что *скрещённые руки* - это не просто руки, которые скрестили (как, например, палки или сабли), а руки, уже обладающие каким-то собственным признаком, хотя, несомненно, некогда и явившимся результатом произведённого действия (о чём свидетельствует и тот факт, что *скрещённые* нельзя заменить синонимичным именем прилагательным).

Таким образом, вырисовывается следующая картина:

1. Перехода слова из одной части речи в другую нет - перед нами продукты семантического словообразования, осуществляющегося по тем же законам, что и морфологическое. Но, прежде чем произойдёт акт безморфемной деривации, должно произойти накопление ассоциаций, с помощью которого и осуществится постанова данной единицы в иной лексический разряд. Любое слово на любом этапе нашей прямой является совершенно самостоятельной единицей, определённой ступенью деривации, то есть омонимом к производящему его причастию и к прилагательному (если таковое уже имеется), поскольку поводом для семантического словообразования служит всякое, даже самое *незначительное переосмысление*.

2. Так называемая «грамматическая стадия окказиональности» обнаруживается только **в контексте**. Одиночные причастные формы или имена прилагательные, от них образованные, сами по себе чётко распределяются по своим частям речи.

3. Все промежуточные единицы (уже не причастия, но ещё и не прилагательные) можно сгруппировать по следующим **типам**:

✓ «срединные» образования: замены придаточным предложением и прилагательным-синонимом абсолютно эквивалентны (*отравляющие вещества*);

✓ промежуточные метафорические образования, наравне с которыми существуют и производящие их причастия и прилагательные-омонимы (*ущемлённое сердце*);

✓ промежуточные образования, наравне с которыми также существуют как омонимичные причастия, так и омонимичные имена прилагательные, но их «промежуточность» является не результатом метафорического переноса, а результатом наличия в контексте зависимых слов или употребления краткой формы в составе сказуемого, что усиливает глагольность единицы (*нетронуты в прозе и в стихах*);

✓ формы, которые по своему значению уже отличаются от причастий, но окончательного качественного «скачка» ещё не произошло, поэтому омонимичное прилагательное в языке ещё не функционирует (*скрежённые руки*).

4. При написании той или иной контаминированной единицы нужно исходить из грамматической семантики и собственно лексического значения имеющегося образования, а форма, как известно, всегда определяется содержанием.

Список использованной литературы

1. Гофман Э.-Т.-А. Новеллы / Пер. с нем.; состав., вступ. статья и примеч. С. Шланоберской. - М.: Худ. лит., 1983. - 399 с.
2. Диккенс Ч. Большие надежды: Роман / Пер. с англ. - М.: Моск. рабочий, 1987. - 480 с.
3. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман: В 2 т. / Пер. с англ. А. Кривцовой и Е. Ланна; вступ. ст. Н. Михальской; коммент. Е. Ланна. - М.: Правда, 1990. - Т. 1. - 448 с.
4. Ионеско Э. Орифламма / Пер. А. Гаврилова. - http://kulichki.com/moshkow/INPROZ/IONESKO_E/oriflamm.txt (26.10.03).
5. Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. - Ижевск, 1981. - 29 с.
6. Мильтон Д. Потерянный рай / Пер. Арк. Штейнберга. - <http://kulichki.com/moshkow/POEZIQ/MILTON/milton.txt> (18.09.03).
7. Мольер Ж.-Б. Летящий доктор / Пер. Г. Бояджиева. - <http://kulichki.com/moshkow/MOLIER/doktor.txt> (18.09.03).
8. Русская грамматика: В 2-х тт. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. - М.: Наука, 1980. - <http://rusgram.narod.ru/1294-1314.html> (27.09.03).